

"Живые фонарики"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Яков Максимович Пинясов

Живые фонарики

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

ОБ АВТОРЕ

Про эту книжку можно рассказать сказку.

Жили-были на свете между реками Сура и Мокша, младшими сёстрами Волги, бедные мордовские крестьяне. Трудились много, а радости у них было мало. Длинными вечерами матери пели своим детям задушевные колыбельные песни, бабушки рассказывали чудесные сказки, а деды — забавные истории, загадки и шутки. Но никто не мог этого записать: мордовский народ был неграмотным. У него не было даже азбуки. А народ без письменности — что без голоса.

Но вот грянула Великая Октябрьская социалистическая революция. Воспрянула русская земля, населённая многими народами. Свободным стал и мордовский народ.

Одним из первых подарков советской власти была школа на родном языке. Радостно побежали мордовские дети в свои школы. И стали учиться так хорошо, что, когда выросли, стали инженерами, строителями, докторами, агрономами, писателями. У неграмотной прежде мордвы появились свои писатели и поэты.

Цветёт и хорошеет Мордовская республика. В её столице Саранске издаются книжки на родном языке для взрослых и детей.

О чём же пишут мордовские писатели для своей детворы? А вот почитайте книжку «Живые фонарики». Её написал мордовский писатель Яков Максимович Пинясов. Мордовские ребята знают и любят его не только по книгам: Яков Максимович часто выступает по саранскому радио.

Много написал он хороших книжек. Вот их названия, яркие и весёлые: «Жизнь цветет», «Милые годы», «Мы победили», «Весёлые друзья», «Золотые искорки».

Яков Пинясов родился в 1913 году в семье крестьянина села Мордовские Поляны. Когда ему исполнилось восемь лет, он стал учиться в школе. Шёл пятый год советской власти, к тому времени у мордовского народа была уже своя письменность. И дети учились по букварям на родном языке.

Пинясову посчастливилось окончить среднюю школу в городе Бедно-Демьянске и полиграфический техникум в Москве. Он стал учителем и шесть лет учил мордовских детей, а теперь пишет для них интересные книжки.

Яков Максимович активно участвует в строительстве новой жизни. Ещё будучи пионером, в 1929 году, он написал своё первое стихотворение — «Смерть Алёши», про геройскую гибель своего товарища, убитого кулаками. Стихотворение вошло в школьные учебники и стало народной песней.

Пинясов — участник Великой Отечественной войны. Сейчас он работает в детском радиовещании, рассказывает детям, как строится в нашей стране новая жизнь, как расцветает Мордовия. Знает и любит писатель родные края, умеет разговаривать с детворой просто и задушевно.

Почитайте его забавные истории, загадки, рассказы и сказки, и вы услышите голос счастливого сына мордовского народа, возвращённого и воспитанного советской властью.

Николай Богданов

ХИТРЫЙ ОГУРЧИК

Забавные истории и загадки

ХИТРЫЙ ОГУРЧИК

Забавные истории и загадки

ПЕСЕНКА ЦВЕТОВ

Наступила весна. Первыми из-под снега выскочили подснежники, прелестные цветы нежно-голубого цвета. Взглянули вверх и обрадовались:

— Ой, как хорошо! Небо на нас похоже!

Скоро расцвели жёлтые круглые одуванчики. Подняли вверх головки, увидели солнце и тоже обрадовались:

— Ой, как чудесно! Солнышко на нас похоже!

И вместе с подснежниками запели об этом чуде удивительную песенку. Качались на ветру и пели, качались и пели...

А в это время девочка Машенька вышла из дома в чистое поле вместе с папой и мамой посмотреть, как расцветают весной цветочки.

Мама у неё была мордочка — беленькая, с синими глазами, а папа — украинец, черноглазый, чернобровый.

У Машеньки брови были чёрные, а глаза — синие.

Шла девочка и хмурила брови: она слышала то, чего взрослые не замечали, — как цветы поют на ветру.

Вот взрослый присели на папином плаще, как на ковре-самолёте, на берегу над рекой и забыли про Машу.

А она и рада. Отошла от них потихоньку и слушает, как цветы поют свою тоненькую песенку. Слушала, слушала и говорит:

— Какие вы глупые! Разве это солнышко похоже на одуванчик и небо похоже на подснежник? Это вы, подснежники, похожи на небушко! А вы, одуванчики, — на солнышко, так же как я похожа на папу и маму!

И она погладила по головкам и тех и других.

И ей стало так радостно, что она хоть и маленькая, а такая умная — умней цветов.

ХИТРЫЙ ОГУРЧИК

А вот у нас на огороде вырос огурчик, да такой хитрый! Хитрей Наташи, которая его посадила.

Дело было так. Все ребята детского сада помогали бабушке-сторожихе разводить огород. Сажали ребята семечки в маленькие горшочки, потом всходы из горшочков высаживали в грядки. А потом поливали всходы водой из бутылок. Каждый принесёт на грядку бутылку с водой и поливает: кто свёклу, кто морковь, кто капусту.

И ребятам интересно и растения радуются — веселенькие такие растут-цветут. Наташа и её подружки поливали огурчики. Очень им нравилось, что у них цветы золотистые.

Вдруг скомандовали ребятам: «Дети, собирайтесь! Поедем в летний лагерь — в сосновые леса, на песчаные берега, на светлую речку».

Побежали ребята собираться, а Наташа быстрее всех и забыла на грядке свою бутылочку с водой. Так и осталась лежать бутылка — горлышком к цветущим огурцам.

В конце лета вернулись ребята в свой дом, пошли на огород. Ой, сколько всего здесь выросло! И красная свёкла, и зелёная капуста, и жёлтые тыквы. А сколько огурцов! Теперь уж не узнаешь ни своих, ни чужих. Вся листва переплелась — пойдй угадай, кто который сажал, кто поливал.

Вдруг бабушка зовёт Наташу:

— Наташа, Наташа! Иди полюбуйся на свой огурчик!

— Где он?

— А вот посмотри.

Поглядела Наташа... Вот так чудо! Лежит на грядке забытая ею бутылочка, а в ней вырос огурец. Да такой большущий, что всю бутылку занял.

— Вот как ловко устроился — тепло, светло и мухи не кусают! — смеётся бабушка.

А ребята стоят и не могут понять, как же такой громадный огурец мог влезть в узкое горлышко бутылки.

Ребята не могут понять, как же такой громадный огурец мог влезть в узкое горлышко бутылки.

— Наташа, а Наташа, как же это ты вырастила огурец в бутылке?

А Наташа и сама не знает, только руками разводит:

— Я ничего... Это он сам туда влез! Я бы так не сумела.

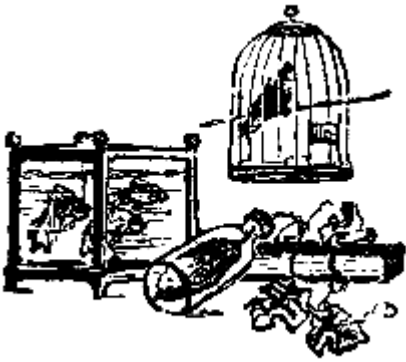
Ну и хитрец огурец! Такой даже есть жалко. Сорвали его с грядки и поместили в комнате, где у ребят

были аквариумы с живыми рыбками, клетки с птичками, коллекции жуков и бабочек и разные

чудеса.

И кто бы ни заходил в эту комнату, все смотрели на огурец в бутылке и смеялись. Уж очень он важно там сидит, а как забрался — не говорит. Такой забавный...

Вот и догадайтесь: как он попал в бутылку?

ГРИБЫ НА ДУБУ

В детском саду было много хороших мальчиков и девочек, но всех правдивей считался Миша — никогда неправды не скажет.

И вот какая история случилась с ним недавно.

Пошли ребята в лес — посмотреть, как и что там растёт.

Шли, взявшись за руки, а тётя Катя объясняла:

— Вот смотрите, ребятки, это растёт ёлочка, а на ней еловые шишки. Это вот под деревом хороший грибок — сыроежка. А это вот плохой гриб — поганка.

Вот видите, хороший грибок скромно в тени стоит, а вредный мухомор на солнышко выбежал, красотой похвалиться...

Тётя Катя много знала.

Мише понравился огромный дуб, под которым даже темно.

Миша загляделся по сторонам и немножко отстал. Ему понравился в лесу огромный дуб, под которым даже темно. Посмотрел Миша вверх и вдруг видит- высоко на посохших ветках дуба торчат грибы.

Вот так чудо! Побежал он догнать ребят, чтобы всем показать свою находку, да немного заблудился.

Его искали, аукали... Он искал, аукал... Да эхо помогало. И столько в лесу было ауканья, что не разберёшься, кто где потерялся.

Когда нашли друг друга, тётя Катя рассердилась на Мишу:

— Ты почему отстал?

— Тётя Катя, я не напрасно отстал: я нашёл грибы на дубу.

— Ах ты, врунишка! Да разве грибы на дубу растут?! — всплеснула руками тётя Катя.

Все рассмеялись.

А Миша не сдаётся:

— Я сам видел. Дуб, а на ветках грибы! Пойдёмте — покажу!

На обратном пути Миша нашёл тот самый старый, тёмный дуб с густой листвой и сухими ветками у вершины. Посмотрел вверх, а грибов нет. Нет — как и не было. И с одной стороны зашёл — не видно. И с другой — ничего. Глаза протёр: сухие ветки есть, а грибов на них нет.

Огорчился Миша и заплакал.

Пошли они домой, а тётя Катя его утешает:

— Ничего, Миша, не плачь! Это тебе, наверное, приснилось.

— Конечно, приснилось, приснилось! — подхватили ребята. — Миша сказал правду, которую он увидел во сне... Во сне всё можно увидеть: как рыба попадает на пустой крючок, как можно летать, размахивая руками, как булки на дереве растут — не то что грибы на дубу!

Так и ушла детвора из леса, не поверив Мише.

А белочка, следившая за детьми из своего дупла, скрытого среди густых ветвей дуба, поглядела им вслед и покачала головой; если бы умела говорить, наверное бы сказала:

«Ай-яй-яй! Зачем же обижать правдивого мальчика! Ведь грибы-то высохли, пока вы там аукались. Я их на веточки надела, я и в дупло их убрала — в свою зимнюю кладовку. У меня и сушёные грибки здесь спрятаны и отборные орешки, только я болтать про это не люблю, чтобы мне не завидовали!» Нырнула в дупло и притаилась.

СКВОРУШКИНЫ ЯБЛОКИ

Однажды весной раскапризничался в детском саду мальчик Вася:

— Хочу яблока! Хочу яблока!

Вынь да положи!

Услышал это дедушка Яков, мастер на все руки. Он тут же рядом был, в столярной мастерской, где мастерил для ребят маленькие стулья, столы, выпиливал кубики... А сегодня он мастерил птичьи домики для весенних гостей. Покачал дедушка головой, потряс бородой и говорит Васе:

— Хочешь есть яблоки — делай скворечники!

Вася очень хотел есть яблоки и стал помогать дедушке мастерить скворечники.

Вот сделали они много маленьких домиков с крылечками. Выстроили их в ряд на скамейке в саду и любят.

— А где яблоки? — спрашивает Вася.

— Постой, сначала надо развесить скворечники. Развесили домишки в саду по деревьям, и,

когда дедушка понёс обратно в сарай длинную лестницу, Вася побежал за ним:

— Дедушка, а яблоки?

— Ну, милый мой, это надо спросить с хозяев домиков. Вот как прилетят они...

Скворцы прилетели и так радостно защебетали, увидев новенькие домики, что даже заглушили ребячьи голоса. Несколько дней суетились, хлопотали, таскали пух, перья, вату, паклю — устраивали гнёзда.

— Ну, дедушка? — напоминает Вася.

— Постой, потерпи — видишь, им некогда.

Вася терпел. А скворцам всё было некогда: целый день в саду работали. Ребята грядки копают, вишни и яблони окапывают, а скворцы по всем деревьям прыгают, червячков обирают и щебечут, щебечут без умолку...

— Послушай, о чём они щебечут, — сказал Васе дедушка, опираясь на лопату. — Они говорят: «Нам — червячка, Васе- яблочко! Нам — червячка, Васе — яблочко!»

Вася прислушался к птичьему языку. Похоже, что так.

— А когда же мне яблочка?

— Теперь скоро, вот только деток выкормят.

Выкормили скворцы своих деток, научили летать, и те — сразу на деревья. И тоже червячками занялись. Ползёт червяк, чтобы в яблоко забраться, а скворец его-тюк! — и отправит в рот. Молодые червячков клюют, а старые на крыльчке посиживают и распевают:

«Чем меньше червячков, тем больше яблочков! Чем меньше червячков, тем больше яблочков!»

И верно: к осени всё меньше оставалось червяков и всё больше наливалось в саду яблок.

Да такой поспел урожай, что ребята ели, ели — всех не поели. На зиму оставили.

На что уж Вася — и тот разгуливал с большущим щекастым яблоком в руках, а есть его не мог, только любовался. Глаза ещё хотели, а зубы онемели.

Увидел его дедушка Яков:

— Ну как, хороши скворушкины яблочки?

— Хороши...

— А спасибо сказал?

Взглянул Вася на птичьи домишки, а они пустые. Улетели скворцы в тёплые края, не дождавшись его благодарности. Сидят на крылечках одни воробьи и чирикают: «Ничего, ничего, ничего!»

Утешают его. Скворцы ведь не за спасибо работали. За хорошие домики сберегли в саду яблоки.

КАТАВАСИЯ

Много раз слышал Вася, как бабушка ругала котика Киску:

«Ах ты, разбойник! Зачем ты по горшкам лазишь? Зачем ты портишь топлёное молоко? Зачем снимаешь пенку? Вот я тебе задам!»

Вася тоже любил топлёное молоко и, слушая это, сообразил. Взял соломинку, проткнул пеночку так, что было совсем незаметно. Пососёт молочка через соломинку, когда захочет, и убежит гулять на улицу.

Бабушка берёт горшки и удивляется: как же это так? Молоко убывает, а пенки целы.

Стала следить.

И застигла Васю, когда он с соломинкой пристроился молоком полакомиться.

Засмеялась бабушка, гладит его по голове и говорит:

— Киска, Киска! Теперь мы станем звать тебя Киской, а котика — Васькой.

Вася очень обиделся. Заплакал. Стал жаловаться папе, маме. Они рассказали соседям. Соседи — своим детям. Дети — друзьям и подружкам. И всех это так насмешило, что, куда бы Вася ни пошёл, все дразнят: «Киска! Киска!»

Вот какая получилась катавасия!

А что было делать, когда молока хотелось! Неужели пенку снимать?

Как бы вы поступили на его месте?

КТО ГРАМОТНЕЙ?

Ехали в автобусе две девочки с книжками под мышками: Наденька и Катенька. Обе первоклассницы. Смирно сидели на своих местах, на кожаном диванчике, над которым написано: «Места для детей».

Вдруг автобус остановился. Раскрылись сами собой дверцы, и с передней площадки вошла старенькая старушка, чья-то бабушка.

Трудно было старенькой подниматься по ступенькам, да, спасибо, люди помогли — под руки поддержали.

Водитель оглянулся, увидел, что бабушка вошла, и тронул машину.

Бабушка покачнулась, ищет глазами — где свободное местечко. Да плохо видит. Шагнула к девочкам. А Наденька как крикнет испуганно:

— Куда вы, бабушка! Прочтите, что здесь написано, — это же места для детей! Вы что, неграмотная?

Стыдно стало Катеньке за свою подружку. Вскочила она с диванчика, усадила бабушку и говорит:

— Простите, пожалуйста, Наденьку, она у нас ещё не совсем грамотная.

Старушка села и говорит:

— Ничего, ничего, у вас жизнь впереди — ещё выучитесь!

Выбежали девочки на остановке, обе сердитые, красные, и давай спорить.

Наденька говорит:

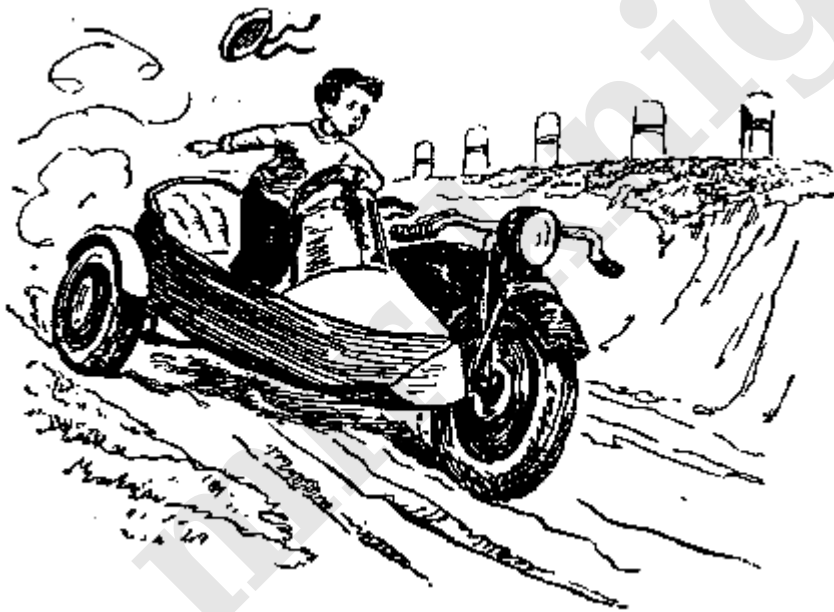
— Ты что, не умеешь прочесть написанное? Тебя плохо в школе учили?

А Катенька говорит:

— Нет, это тебя плохо учили: не знаешь, что есть такое неписаное правило: младшие должны уважать старших!

Долго они спорили, чуть на урок не опоздали.

Как вы думаете, кто из них прав?

КТО УПРЯМЕЙ?

Митя очень не любил, когда ему говорили: «не трогай того», «не делай этого». Ему хотелось сделать именно то, что не разрешают.

И вот однажды папа взял его с собой кататься на мотоцикле. Папа правил машиной, а Митя важно ехал рядом с ним в прицепной коляске.

Так он проехал, на зависть всем ребятам, через весь город, через мост. И обратно. Потом папа зашёл в магазин.

— Ты посиди покарауль машину — я быстро вернусь. Куплю продукты, — сказал он.

И, наверное, Митя сидел бы смиренно, если бы папа не добавил:

— Смотри только ничего в машине не трогай!

Вот тут Мите захотелось обязательно что-нибудь потрогать.

Мотоцикл стоял на тормозе, а мотор его работал: «трум-трум, трум-трум». Митя послушал. Потрогал один рычажок, потрогал ещё что-то... И вдруг мотоцикл вздрогнул и пошёл-поехал!

— Постой, куда ты? Папа велел стоять!

Мотоцикл оказался упрямым, он шёл всё быстрее.

— Стой, стой! — кричал на него Митя. — Ведь папа не велел ехать!..

Но это не помогло.

— Вот я тебе задам, неслух! — чуть не плача, завопил Митя.

А мотоцикл как рванётся — да в канаву! И свалился вверх колёсами.

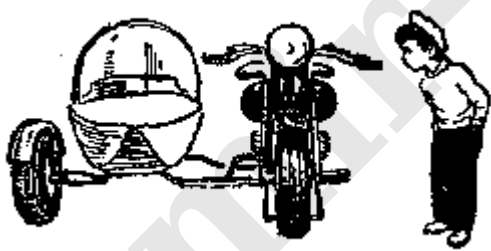
Прохожие вытащили Митю, грязного, в синяках. Прибежал отец.

— Что ты наделал, упрямец! — закричал он сердито, утирая Мите разбитый нос.

— Это он всё наделал! — заревел Митя, указывая на мотоцикл. — Вот кто упрямец!

И тут все прохожие, собравшиеся толпой, рассмеялись.

Почему они смеялись?

КЕМ БЫТЬ И КЕМ НЕ БЫТЬ?

Шли по улице два товарища — Петя и Коля. Дружные, рука за руку. Остановились у витрины книжного магазина. Полюбовались книжками.

— Зайдём купим?

Зашли. Пересмотрели немало обложек и картинок.

Коля быстро купил одну, вторую — обе с картинками — и, заплатив деньги, положил в карман сдачу — три гривенника.

А у Пети денег было маловато. Очень понравилась ему книжка «Кем быть?». Купишь такую и сразу много узнаешь хорошего. Посчитал Петя деньги — и на эту не хватает. И немного: всего гривенника недостаёт.

— Коля, — попросил он, — дай взаймы десять копеек. Такая хорошая книжка — рассказывает: кем быть и кем не быть.

Нахмурился Коля:

— Не хватает денег — не покупай, и всё!

Пожалел деньги.

Посмотрела на приятелей тётя-продавщица, которая только что отдала Коле сдачу, и сказала Пете:

— Не огорчайся, мальчик! Кем быть — ты узнаешь, когда подрастёшь. А кем не быть — твой товарищ знает.

При этих словах Коля покраснел и вышел из магазина потихоньку, чтобы не звенели в кармане гривенники.

А Петя выбежал за ним и всё спрашивал:

— Скажи, Коля, кем не надо быть? Скажи!

Коля угрюмо помалкивал.

Хоть и знал, да не сказал. Вы не догадываетесь почему?

КАК ЮРА НА КНИЖКУ ОБИДЕЛСЯ

Читал Юра книжку, да не дочитал — уж очень заманчиво пели свои песенки весенние ручьи за окном. Оставил он книжку раскрытой, а сам на улицу убежал.

Вокруг ещё лежал снег, а солнышко грело так, что от его горячих лучей бежали в разные стороны ручьи, прокладывая себе дороги.

На улице никого не было.

«Ну и хорошо! — обрадовался Юра. — Пока ребят нет, я сейчас ловушку устрою. Вот смеху будет!»

Схватил лопату, вырыл на дорожке яму, и она сразу наполнилась водой из ручья. Потом ловко

присыпал яму снегом, как будто так и было...

Спрятался на крыльце и ждёт, кто первый по тропинке пойдёт и что с ним будет.

Долго не шли ребята. А потом выбежали целой толпой из детского сада, и у каждого в руке кораблик.

— Юра! Юра! Иди кораблики пускать! Смотри, какие у нас! У тебя такого нету!

— У меня тоже есть и ещё лучше ваших! — отозвался Юра.

Бросился в дом, отыскал свой кораблик, выбежал обратно и показывает:

— Вот он какой! С парусом!

— С парусом? — позавидовали ребяташки. — Беги сюда! Вот здесь озеро большое — ветер по нему гуляет!

Интересно запустить кораблик с парусом по озеру, по которому ветер гуляет. Побежал Юра по дорожке и совсем забыл про ловушку. Как ухнет!

— Ой, помогите!

Бросились ребята на помощь, вытащили Юру из ямы, которую он сам вырыл. Пришёл он домой мокрый. Мать дала ему горького лекарства, завернула в одеяло, посадила у печки:

— Сиди дома, озорник! На вот книжку, почитай!

Взял Юра недочитанную книжку и прочёл в ней пословицу: «Не рой другому яму — сам в неё попадёшь!»

Прочёл да как стукнет по книжке кулаком:

— Почему мне раньше не сказала!

Очень Юра на книжку обиделся..

mir-knigi.org

РЕЧКА БЫСТРОТЕЧКА

Рассказы

РЕЧКА БЫСТРОТЕЧКА

Рассказы

РЕЧКА БЫСТРОТЕЧКА

Играли ребята в войну. Да так разыгрались, что порубив деревянными саблями все репы на огороде, забежали в лесные посадки и давай чесать молодой ельник. Увидел это колхозный сторож дед Николь, как крикнет: «Вот я вас!..» — и с настоящим ружьём за ними. Бросились ребята врассыпную кто куда. Не ружья напугались. По дороге дед сломал длинный прут. Вот от него-то ребята и улепетнули.

И собрались, конечно, под мостом. Где же иначе? Лучшего места и не придумаешь. Замечательный у них мост. Из новеньких брёвен. Такой новый, что брёвна ещё не прибиты. Интересно сидеть под мостом и слушать, как они говорят. Под грузовиками: «Грум-грум-грум». Под легковыми: «Тыр-тыр-р-тыр-р». А под конной подводой: «Цок-цок-цок».

Интересно и глядеть. В щели видно, как искры из выхлопных труб летят и как резиновые шины сплющиваются. Вот только в глаза порошит разным сором.

И в дождик очень удобно прятаться. Правда, если хоть одна капля на макушку попадёт, то уж такая, что по всей голове растечётся, как чернильная клякса.

Но ничего, в общем, хороший мост, все проезжие хвалят. А ребятам это нравится.

Сидят они под мостом, и вдруг откуда-то дядьки с брезентовыми вёдрами появились. Это шофёры. Остановились свои машины напоить.

— Эй, ребята, а где же тут воды набрать?

— Чудно! Мост этакий вымахали, из Саранска видно, а речку так спрятали, что не найдёшь, — сказал долговязый парень, чавкая резиновыми сапогами в тине, скрытой осокой.

И смеются. Только зубы блестят. А лица тёмные. Видно, дальние, нездешние.

Не понравился их насмешливый тон ребятам. Насупились.

— Вот она, речка, — буркнули невежливо, указывая вниз.

— Под названием Болотечко? — сказал насмешник.

— И вовсе нет, называется Быстротечка, — ответили ребята.

И тут все шофёры как захохотали, словно грузовик промчался по мосту.

— Быстротечка? Ой, не могу! Быстротечка! — совсем развеселился насмешник. — И назовут же!.. На смех, наверное, как Мышинные горы или Куриное море.

— Да, что-то она у вас не быстро течёт, — сочувственно покачал головой пожилой шофёр.

— Головастики запрудили. Ха-ха-ха! — рассмеялся долговязый и стал разгонять ведром живность и водоросли.

Не без труда зачерпнув воды, шофёры поднялись на гору и всё ещё смеялись над речкой, в которой ведра чистой воды не наберёшь. С тем и уехали...

А ведь ребята Быстротечной гордились. У неё омуты есть, в которых настоящая рыба водится. Пескари, и даже налимы. В прошлом году дедушка Николь поймал одного. Ну честное слово, такого здоровущего — с полкилограмма! И вот теперь над их любимой речкой смеялись...

Правда, она не совсем быстро течёт. Ребята долго рассматривали и, признаться, убедились, что совсем даже незаметно течёт. Сколько ни пускали бумажки, спички, сосновые иглы, ореховые скорлупки — не уносит их вода, да и только. Если подуть — ну, тогда плывут...

И напало на ребят сомнение: почему же Быстротечна?

Дедушку Николая спросить? Да, попробуй! Он ещё за порубленные посадки сердится. Не остыл ещё.

Стали расспрашивать у отцов, у матерей, почему это, действительно, Быстротечна, а не течёт. Может быть, когда её так называли, она текла и очень быстро? Но почему же перестала?

И, кого бы они ни спрашивали, все их отсылали к деду Николу. Он всё знает. Он дольше всех на свете прожил и ещё в незапамятные времена лесником был и даже то место знает, откуда речка начало берёт.

Пришлось ребятишкам повиниться перед дедом и пообещать, что не будут они не только молоденькие сосенки да ёлки трогать — ни одну пичужку в них не будут пугать, не то что из рогаток бить.

Дед подобрел. Рассказал быль, похожую на сказку, про несчастную речку Быстротечку, которая прежде красавицей была говорливой, быстро струилась мимо села, мимо холмов и лесов в луговые просторы, с камышами шепталась, с камешками разговаривала, на крутых перепадах пела.

И так бы она жила всем на радость, да заколдовали её злые волшебники. Лишили её друзей — могучих лесов, погубили её младших братиков — родники. И заснула Быстротечка, обессилев, как умерла.

Огорчила эта сказка ребят, но нос не повесили. Народ они задорный. И пристали к старому Николу:

— Дедушка, а ведь можно её оживить? Вон в сказке-то спящую царевну и то пробудили богатыри от мёртвого сна!

— Ладно, попробуем, — сказал дед.

Согласился быть добрым волшебником, а ребята при нём — богатырями.

Вооружились они вместо мечей топорами боевыми и лопатами стальными и двинулись ратью в далёкий поход, к истокам Быстротечки.

Давненько не бывал там дед Николь, а всё же разыскал среди глухих оврагов с обвалившимися глинистыми берегами старую-престарую дубовую колоду, из-под которой когда-то бил звонкий ключ, а теперь чуть-чуть сочился на ржавую траву махонький родничок.

Чуть дыша, склонился над ним дед и, расправив жёсткую траву, показал ребятишкам, как из-под колоды пробиваются капли воды, словно слёзки. Смотреть жалостно.

— А вы не тужите, ребята. Жива душа у реченьки, глядишь — ещё воспрянет. Давайте-ка от тины её освободим.

Долго, осторожно раскапывали родник ребята. Несколько слоев глины руками разгребли и сняли. Откуда она набралась? А вон с обрывистых берегов сползла да родник и затянула. Задушила Быстро-течку.

Когда-то на этих берегах рос сосновый да еловый лес. Но ещё в старые времена хищные купцы его вырубил да за границу продали. Берега обнажились. Когда-то каждая дождевая капля через хвойные настилы просачивалась, осветлялась, по корням деревьев струилась и в родник попадала. И бил он из-под земли ключом, сильный и чистый. Даже в самые сильные ливни вода Быстротечки не мутнела, только прибавлялось в её струях больше сосновых игл да веточек да убыстрялось течение, громче становилась песня её звонких струй.

И так захотелось ребятам эту славную песню послушать, что готовы они были трудиться день и ночь. Но не так-то оказалось просто заставить запеть давным-давно замершую речку.

Чтобы она запела в полный голос, для этого нужно леса вырастить, глинистые края оврагов кустарником засадить да цепкой травой.

Но всё же добились кое-чего ребята. Когда разгребли они глину, добрались до камешков-голышей, до золотистого песка, из-под него вдруг вырвалась струйка воды, забила, как жилка. И побежала, и заколебала траву. И ребятам показалось — это пробудилась душа Быстротечки и прошептала им, богатырям, чуть слышно: «Спа-си-бо»...

И ещё один родничок открыли ребята, и ещё один. За лето успели они освободить пять или шесть братиков Быстротечки. И она немного оживилась, потекла, правда чуть заметно. Проезжим шофёрам по-прежнему можно ещё будет смеяться над её названием — Быстротечна.

Ну и пускай смеются, а ребята-то знают, что она всё же потекла. А вот пройдёт зима, наступит лето — потечёт ещё быстрее. А пройдёт несколько зим и лет — заиграет, заговорит: ведь по новому плану колхоз решил засадить лесом все окружающие село овраги.

Коммунисты это дело предложили, комсомольцы его подхватили, пионеры им заняться решили.

— Уж если такие богатыри за дело взялись, — шутит довольный дед Николь, — оживёт наша речка Быстротечка!

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРУГ

Вначале люди построили дом. Потом ласточки под его карнизом слепили глиняные домишки. В доме поселился с родителями мальчик Андрюша. А в ласточкиных гнёздах вывелись птенцы.

Интересно было Андрюше, что живут птицы, как люди. Так же улетают из дома на работу и возвращаются с гостинцами — кормят своих детей.

Он знал, что в домишке над окошком три птенчика. И вдруг их стало только два... Куда же девался третий?

Андрюша вышел на улицу и слышит, что в кустах рыжий кот ворчит. Заглянул и увидел — кот катает по земле птенчика. Играет с ним, как с мышью.

Отнял Андрюша птенчика, положил на ладонь, а у того сердечко так и стучит. Чуть жив, всё клювик разевает, пытается защититься — храбрый.

Рассмотрел и видит — одна ножка сломана.

— Брось его, — сказал соседский мальчишка. — Зачем тебе с ним возиться!

А какой-то старик прохожий говорит:

— Не слушай его — помоги птенцу. Доброе дело даром не пропадает.

Андрюшка пожалел малыша. Принёс его домой. Показал папе и маме. Стали бедняжку лечить. Осторожно выпрямили его сломанную лапку, прибинтовали к двум спичкам, чтобы она срослась.

Мальчик не отходил от птенца. Давал ему червяков, букашек, но тот ничего не ел, не пил. И только когда Андрюша из своего рта в жёлтый ротик птенчика влил несколько капель подслащённой воды, больной ожил. Глазки его засветились. Он затрепетал крылышками и запищал. И требовал корма только изо рта Андрюши.

Потом научился есть и пить сам. Скоро окреп, выровнялся. Ножка срослась, но не сгибалась. Поэтому он прихрамывал. А когда стал летать, не мог её подгибать, и одна ножка у него болталась в воздухе. Андрюша назвал его «Птичик».

Когда Птичик стал уже взрослым, Андрюша вместе с ним вышел в сад... Дома Птичик любил сидеть у него на плече. Любил чистить нос об его стриженные волосы и этим очень смешил всех знакомых. Андрюша думал и здесь, среди ребят, похвалиться его фокусами.

Птичик испугался, вспорхнул и исчез среди мелькающих в небе ласточек.

Набежали мальчишки со всего двора. Птичик испугался, вспорхнул и исчез среди мелькающих в небе ласточек.

— Вот тебе и «доброе дело даром не пропадает»! — смеялся тот самый мальчишка, который советовал бросить Птичика ещё весной.

Огорчился Андрюша, даже обиделся. Пришёл домой, и обедать ему не хочется. Несколько дней ходил совсем грустный, не гулял и даже в кино не хотелось идти.

И днём окна открытыми держал и на ночь форточку отворял — нет, исчез Птичик. Нашёл, наверное, своих родителей, нашёл своих братьев и резвится с ними над крышами города... Забыл про Андрюшу.

Стал забывать и Андрюша про спасённого птенца.

Пришла осень, за ней зима, снова наступила весна, и вот опять в свои домишки под крышами вернулись ласточки. Было их теперь больше. Ничего! Люди за это время новые дома построили, и у новых карнизов ласточки себе избушек наделали.

Андрюша внимательно наблюдал за их работой и вдруг радостно закричал:

— Папа! Мама! Наш Птичик! Вон он, вон, у него не убирается одна ножка!

И верно, это вернулся из южных стран спасённый Андрюшей птенчик, теперь уже взрослая ласточка.

Над Андрюшиным окном заняла она домик своих родителей, и вскоре у неё появилось трое малышей.

Целые дни, с раннего утра до позднего вечера, носилась хромоножка — всё ловила для своих детишек мошек и комаров.

И однажды оказала Андрюше такую услугу, о которой и сама не догадалась.

Андрюша лёг спать при открытом окне. И в это время в сумерках поднялась из лужи толстая, брюхатая, заразная малярийная комариха. И потянулась на тепло. Летит к Андрюшину окошку — чувствует тёплое дыхание. Спит он и беды не знает. И хромоножка уже на краю гнезда вздремнуть устроилась.

Вдруг слышит — гудит комар. Насторожилась, вспорхнула стремительно, как истребитель-перехватчик, — хват комариху и проглотила!

Ласточке комар только на пользу, а человека от малярии спасла.

Никто этого так и не узнал. Андрюша и до сих пор не уверен, что доброе дело даром не пропадает.

А напрасно. Старые люди верно говорят.

ДОКТОР ТУКТУК

Сандрик был самым обыкновенным мальчиком, каких много в детском саду. И вдруг ему повезло. Он так здорово заболел, что познакомился с самым знаменитым в городе доктором. Этот высокий, худой дядя в очках, в чёрном-чёрном костюме и белом-белом халате, завидев его, улыбался и говорил:

— Здравствуй, Сандрик. Ну как, скрипишь?

— Скриплю, дядя Туктук!

И действительно, в груди у мальчика что-то поскрипывало, когда доктор велел ему сильно дышать и, приложив к рёбрам трубку, постукивал по его косточкам пальцами: тук-тук.

— У меня там кто-то сидит, да?

— Да, братец, сидит.

— Червяк? — любопытствовал Сандрик.

— Похоже, и не один, а многовато... — отвечал доктор.

— А если их достать и раздавить? — Сандрик сжимал кулак.

— Так и сделаем, только мы их раздавим там, внутри. Сделаем такую операцию... Только слабоват ты... вначале отправим тебя на курорт.

Сандрикова мама смотрела на доктора с надеждой, а сама говорила:

— Когда же вы сами-то на курорт... Все худеете да чернеете. У нас уже все толстые на курорты слетали: кто на запад, кто на юг!

— Мне нельзя, моя дорогая, — улыбался доктор, — не могу бросить своих больных...

Доктор и в эту осень остался в городе, а Сандрика отправили на курорт. Только не на юг, а в лохматый сосновый лес. Сандрик поселился в доме с большими, широко открытыми окнами и спал на балконе даже в холодную погоду, в спальном мешке. Это всё было очень интересно.

Не каждому удаётся жить в таком доме и спать в таком мешке, в каких спят полярники на Северном полюсе. Вместе с Сандриком в комнате жило пять мальчиков, а в соседней — шесть девочек.

И всё же Сандрик завидовал самым обыкновенным местным мальчишкам, которые бегали и играли вокруг дома, как им хотелось. Никто не сопровождал их, когда они ходили в лес собирать орехи, грибы; никто не запрещал им стрелять из рогаток.

Девочек и мальчиков туберкулёзного санатория водили в лес строгие няни, чтобы дети дышали полезным сосновым воздухом, но баловаться не позволяли, ни-ни... А ребятам без баловства — как без воздуха.

Вот другим ещё ничего, а Сандрик начал всё больше бледнеть и хиреть. Его поместили в отдельную комнату, которая называлась очень страшно — изолятор. И из этой комнаты он уже никуда не выходил, а только смотрел в окно, как гуляют Другие.

Вскоре его заметили местные ребята. Они узнали, что Сандрик очень тяжело болен. Ничего ему не хочется, даже гулять. И спит плохо. Ребятам стало жалко его. Они боялись, что Сандрик умрёт. Но не знали, чем ему помочь.

Чтобы развеселить больного мальчика, ребята перед окном изолятора кувыркались, играли в чехарду. Они слышали, что, если больные смеются, болезнь от них отстаёт.

Но Сандрик был грустен.

Дети обстреляли из рогаток большую ворону, которая нахально каркала над самым его окном весь день, стараясь прогнать её, чтобы не накаркала беды.

Сандрик даже не улыбнулся, когда ворона подпрыгивала, увёртываясь от камешков, долетавших до вершины дерева, и только громче и злей каркала.

Не засмеялся он, когда она сорвалась с дерева и наконец улетела, теряя перья.

И вдруг в одно прекрасное утро, когда под ногами хрустела прихваченная морозцем трава, а с деревьев тихо опадали последние листья, ребяташки увидели, что лицо печального больного мальчика оживилось. Он что-то заметил на большой корявой сосне и показывает им глазами.

Ребята пригляделись и увидели — на красном стволе сидит дятел, чёрный с белым, в очках. Внимательно слушает дерево — и носом тук-тук по его коре, тук-тук!

«Ага, — догадались ребята, — вот кто мешает мальчику спать. Сейчас мы ему покажем... Мало ему «тук-тук» — засовывает ловко длинный нос прямо под кору. Вот разбойник, портит

дерево!»

Только настроили рогатки, а мальчик как затопает ногами, как застучит кулаками в окно:

— Не смейте! Не трогайте!

Дятел, не обращая внимания на ребят, достал из-под коры червяка, вытащил его за шиворот да как шлёпнет об дерево!

Ребята так и расхохотались.

А больной мальчик громче всех. Потом закричал, захлопал в ладоши:

— Доктор Туктук! Доктор Туктук!

И вот, представьте себе, с этого дня Сандрик стал поправляться, хорошо ел, хорошо спал. А перед сном своим няням, которые у его постели дежурили, всё рассказывал сказку, которую он сам сочинил, про лесного доктора. Он выстукивает, лечит больные деревья. И даже не улетает на юг, на курорт, куда улетают на зиму все птицы. Он ведь доктор, у него больных много, не может он их покинуть.

Когда Сандрик поправился, посвежел, набрался сил, приехал большой доктор Туктук. Выслушал, выстукал мальчика и, засунув нос... не свой, конечно, а нос особой машины, меж рёбер Сандрика, добрался и до злых червячков, что точили его лёгкие. Из носика этой машинки Сандрику в грудь накачали воздуха, как в баллон автомобильной шины, воздух сжал его лёгкие, и туберкулёзные палочки в них пропали.

И стал Сандрик жить-поживать, как все здоровые мальчики. Играет в чехарду, в скакалки, бегаёт и кувыркается как ему хочется. Но никогда не стреляет из рогаток в птиц. И другим не велит!..

Ведь среди них есть и доктора лесные, такие, как Туктук!

ИСПОРЧЕННЫЙ ДЕД

Исановы ребяташки очень гордились своим дедушкой. И как же им не гордиться — первый был в колхозе работник, все его уважали, все с ним советовались. Даже когда его болезнь согнула и он уже ничего не мог делать, а только на завалинке посиживал, колхозники то и дело к нему приходили — совета спрашивали. Дедушка всё знал. Даже какая завтра будет погода, лучше радио предсказывал. По радио, бывало, говорят, что «без осадков», а дедушка Исан поглядит на небо, опираясь на палку, хитровато прищурится и скажет:

— Оно, может быть, в других местах и без осадков, а у нас дождичек к вечеру будет...

И верно, с утра на небе ни облачка, а к вечеру дождь.

В другой раз пообещают дождь, а дед пошутит:

— А на нашу деревню вроде не хватит, не будет у нас дождя.

И опять угадает.

Колхозники ему верили больше, чем бюро погоды. Бюро ошибалось, а дед Исан никогда!

И перед тем, как сено косить, и перед тем, как рожь начинать жать, колхозники с ним советовались. И даже просто так, когда встречались и здоровались, не спрашивали: «Ну, как дела?», а говорили: «Ну, как погодка?»

Нравилось это деду. Весело на свете жить, когда ты людям нужен.

Вот решили колхозники старика подлечить и послали его на Чёрное море, на горячее солнышко, в грязелечебный санаторий. И так его там здорово подлечили, что у него не только спина разогнулась, — даже борода распушилась. Вернулся домой бравый, как солдат с военной службы.

Вышел дед на крыльцо без палочки, сел на завалинку, со всеми бодро раскланивается и на вопрос: «Ну, какова погодка?», бойко отвечает:

— Отменно хороша предвидится!

А к вечеру как грянет дождь...

Вначале дед подумал, что это он с дороги ошибся, давно дома не был, вот немного от своей местности и отвык. Но и дальше с ним так пошло: он всё хорошую погоду обещает, а погода — на дождь.

Загрустил дед и сам с собой стал разговаривать:

— Вот тебе и раз! Испортился ты, Исан... Да, вот он как, курорт-то, тебя, старина, подвёл... Бывало, под непогоду все твои простуженные жилы гудят, а теперь их так вылечили, что ни одна и не вякнет!

Застыдился дедушка, что он может людей нечаянно обмануть, и перестал даже на лавочку выходить. Уткнётся в газеты и читает, читает. Новые перечитал, за старые принялся. Бледнеет, худеет и становится всё скучней. Обеспокоились все его близкие, и дети и внуки: «Беда с дедом-то, потерял интерес к жизни. Что нам делать? Как беде помочь?»

Слышат ребятишки, как тревожатся отец с матерью, и жалко им дедушку. Хочется старику помочь, а чем — не знают. Снова его простудить, что ли, чтобы от ревматизма все жилы и кости заныли? Но зачем же? Как это можно лечить старика болезнью?!

Сколько ни советовались внуки и внучки с мальчишками и девчонками своей улицы, а потом и всего колхоза, ничего путного придумать не могли...

А тут время подошло идти в школу. Внучата у деда были ещё маленькие, только Наде да Пете пришлось в первый класс в эту осень пойти.

Вот явились они и видят — собралось много девочек и мальчиков, даже не сочтёшь, — не то тридцать, не то двадцать пять человек. А учительница одна и всех их учит. Вот какая умная Татьяна Васильевна — одна умней столько ребят. Такая умная, наверное, всё знает и как дедушке помочь — тоже...

И как-то Надя ей про дедушкину беду рассказала.

Учительница призадумалась, а потом и говорит:

— Дам я вам, дети, одну волшебную вещицу. Повесьте вы её на стенку над дедушкиной кроватью, может, она его и вылечит...

Сняла у себя со стены и отдала Наде и Пете какую-то машинку, похожую на будильник. Только она не скрипела, не тикала. На ней были написаны какие-то слова, а над ними чуть покачивались золотые стрелки. Но что там было сказано, внучата разобрать не могли. Они ведь пришли только в первый класс, не научились ещё грамоте.

— Но, дети, это надо держать в тайне. Никому про эту машинку не рассказывать, тогда она поможет! Тсс! — И учительница приложила палец к губам.

Внучата так и сделали. Даже дедушка не видал, когда они над его кроватью эту волшебную машинку привесили. И стали ждать, поможет она деду или нет?

День ждут. Ничего. Второй ждут, третий... И вдруг стали замечать — что-то веселеет дед. Вначале на своих стал хитро, лукаво поглядывать: за обедом — на внучат, за ужином — на их отца с матерью. А потом вдруг вышел на завалинку, расправил пушистую бороду и на вопросы: «Ну, какова погодка?», стал отвечать:

— Нынче ничего, а вот завтра, должно, раздождется.

И верно, назавтра изморось пошла.

И в другой и в третий раз верно угадал. И вскоре так оживился, что стал погоду предсказывать с шутками да с прибаутками.

Иные колхозники его спрашивали:

— Что-то вас не видно было? Чего-то пусто было на завалинке? Али приболели, Исан Кузьмич?

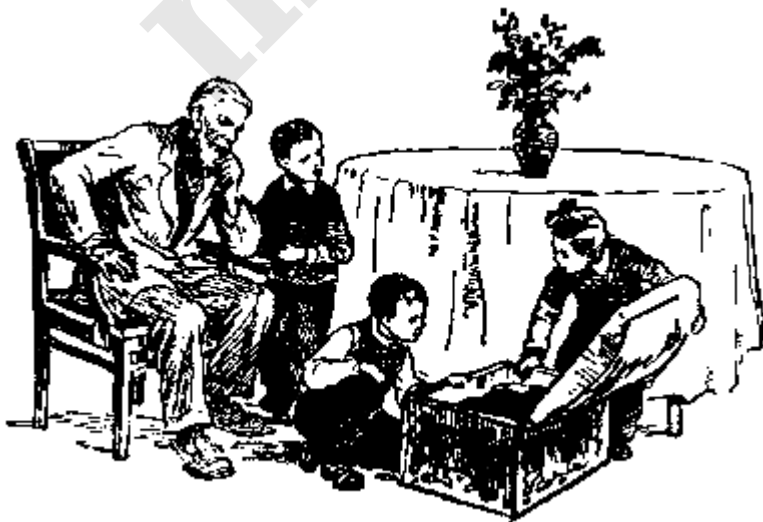
— Было, было с дороги. Расклеился малость.

— Ну конечно, это бывает от перемены климата.

— Да, а вот обжился, и ничего, опять поправился!

Про чудесную машинку ничего не говорил. И внучата помалкивали. И хотя сами всё, что на ней написано, давно уже прочли, но никому не рассказывают, — а вдруг это деду повредит? Лучше уж помолчать.

И вы, друзья, если догадались, никому не рассказывайте. Пусть это будет наш секрет.

ДЕДУШКИН СУНДУЧОК

Загадочная картинка

У дедушки Андрея есть интересный сундучок. У него замок с музыкой. Дед его ключом открывает, и он заиграет весело: «Динь-дон, тилим-бом...»

Дед, улыбаясь, поднимет крышку, а на ней снизу наклеены картинки. На одной изображён всадник с саблей в руке, на красивом коне.

Дедушка говорит, будто это он сам изображён, когда молодым был. Но внучата не верят. Шутит дедушка. Они-то знают, что на таких конях скакали Чапаевы да Будённые. Про это ведь в букваре написано.

Только вот никак не могут угадать, кто же это: Чапаев или Будённый? Усов нет.

А дедушка любит и говорит:

— Добрый был конь. Я с него толстенного белогвардейского полковника пулей снял... Облегчил от тяжёлого груза. Оглянулся конёк — кто это у него в седле лёгкий такой? И как махнёт вперёд, через колючую проволоку, через окоп — летом. После грузного беляка я ему пушинкой казался. Полюбил меня конь...

Слушают внучата, а сами поглядывают то на картинку, то на дедушку. Там — круглолицый, а здесь — худой, с белой бородой.

И не дедушка Андрей, и не Чапаев, и не Будённый. Что за картинка?

Думают, брови сдвинули, любопытно детворе, а молчат. Что там дальше дедушка найдёт, что покажет? У него в заветном сундучке что ни вещь, то сказка.

Заветная трубка

Вот чёрная, прокуренная трубка с изгрызанным мундштуком.

Это не простая трубка. Одумчивая. Её сам дедушкин командир курил. Как, бывало, разгорячится, разволнуется, так сейчас её закуривает. Покурит, подумает, остынет немного и

принимает правильное решение.

Однажды ночью переправились они на лодках через Днепр, в разведку. Высадились. Поползли на высокий берег, к какому-то хутору. Нет ли там белых?

Вдруг — бах! Ба-бах! Пальба со всех сторон, громкая, как из пушек.

— Товарищ командир, давай в лодку! На большую силу нарвались, окружают! К своим, за подмогой, пока не поздно, — говорят ему бойцы.

— Ладно, — отвечает, — сейчас, только вот закурю.

Набил трубку, сел на берег и задымил. Покурил, одумался и спрашивает:

— Убитые, раненые есть? Оказывается, нету.

— Чудно, — говорит: — шибко стреляют, а не убивают. Чего-то они нас пугают. Значит, самим страшно. А ну-ка мы их пугнём. — Сунул трубку в карман да как гаркнет: — Батальон, в штыки!

А их совсем и не батальон был, так, горстка людей, разведка. Ну, раз командир приказал, как закричали бойцы «ура» что есть мочи, как бросились вперёд! Врага и след простыл. Заняли хутор.

Утром стали осматриваться — где же враги, кто это в них стрелял? Вдруг в шалаше, на огороде находят двух старых стариков. Трясут бородами деда:

— Извиняйте, хлопчики, это мы в вас ночью палили. Заметили вас, думали — воры какие по наши арбузы крадутся. Ну, и решили попугать...

— Громко пугали. Чем это? Будто из пушек.

— Да вот — старинными мушкетами. У пана помещика лет сто на стенке висели... До чего гулко бьют, самим страшно!

Расхохотались бойцы, увидев в руках дедов старинные мушкеты. А командир трубку закурил, снял фуражку, почесал маковку и сказал:

— Ах, товарищи лихие, вся бы дивизия над нами потешалась, попроси мы подмоги... Выручила

нас трубка моя одумчивая.

Командир её дедушке подарил за то, что из огня его вынес, жизнь спас. И дедушку она ещё много раз выручала. И теперь, как только бабушка рассердится на него, он закуривает трубку, и бабушка перестаёт ворчать.

Волшебные очки

А есть ещё в сундучке очки — не простые, волшебные. У них стёклышки двойные: называются «бинокль». Если в них посмотреть, очень далеко видно.

Носил этот бинокль комиссар и, когда нужно всё видеть, к глазам прикладывал.

Вот однажды взял он с собой дедушку, молодого красного бойца, в разведку.

Выехали они в степь, поднялись на сопку и вдруг видят — валит валом вражье войско, белогвардейский казачий корпус.

Ветер на казаках чёрные бурки раздувает. Сабли у них в руках молниями блестят. Грозно.

Оглянулся комиссар, заметил, что дедушке страшно, и спрашивает:

— Что, Андрей-воробей, страшна вражья сила, велика?

— Велика, — отвечает дедушка.

— А наша сила разве мала?

Поглядел дедушка, видит — развёртывается красная конница для атаки, а сквозь строй конников, как сквозь редковатый лес, степь просвечивает.

— Наша, видать, поменьше, — отвечает дед, молодой боец.

Усмехнулся комиссар:

— Ну, это какими глазами смотреть, товарищ. На вот, гляди! — достал бинокль и приставил к его глазам: большими стёклами — к глазам, а маленькими — к врагам.

Глянул дедушка. Что за чудо? Ползут на них с холма не люди, а так, букашки какие-то в барашках, и в лапках у них сабельки — не больше сосновых игл.

У дедушки сразу страх прошёл.

— А теперь нашу красную силу посмотри! — и повернул комиссар бинокль наоборот.

Глянул дедушка и видит: едут наши воины — богатырь к богатырю. Шапки высокие. Сабли в руках широкие. Буденовцы-молодцы. И кони под ними богатырские, морды вверх задирают, зубы скалят, над врагом потешаясь, ржут.

Засмеялся дедушка, молодой боец, громким смехом, заломил шапку со звездой, выхватил саблю, слышав команду «К бою», и пришпорил коня вслед за комиссаром, вперёд!

Лихо рубились. Бесстрашно. Бежали враги.

— Ну что, Андрей-не-робей, — сказал после боя дедушке комиссар, — понял, как на врага надо смотреть? Запомни: трусливому враг больше кажется, а перед храбрецом всегда мал.

Вот какой у дедушки в сундучке бинокль! Подарил ему комиссар этот бинокль после войны, на память.

Обыкновенные варежки

Много разных необыкновенных вещей в дедушкином сундуке! И вдруг среди них — обыкновенные деревенские варежки. Из грубой овечьей шерсти, простой вязки да ещё заштопанные. Зачем он их бережёт?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да расскажи. Может, и про них есть сказка.

— Да ещё какая, всем сказкам сказка! — улыбнулся дед.

— Вскоре после Октябрьской революции, зимой тысяча девятьсот семнадцатого года, стоял я на посту часовым у Смольного дворца, где помещалось первое советское правительство.

— Смотри зорче, солдат, — предупредил меня караульный начальник, бравый матрос: — в этом дворце сам товарищ Ленин, всему нашему делу голова. А голову понимаешь, как беречь надо?

— Понимаю, как же! Врагов кругом полно.

А ночь студёная. С чёрного неба белая крупа сыплется, глаза колет. А ветер над городом злой. Над крышами мечется, сорванными листьями железа гремит. Как собака, мне под ноги бросается, за полы шинели рвёт.

Топчусь, хочу согреться. Дрожь пробирает. Вспоминается мне изба родная, холодно в ней без дров. Мёрзнет моя мать с малыши детушками. Отец давно умер, я в доме за старшего был. Кто их обогреет без меня?.. Задумался так, и вдруг как фыркнет на меня автомобиль, как осветит фарами! Напугался я и отскочил в сторону.

А из автомобиля выходит какой-то человек в штатском пальтишке, посматривает на меня, прищурившись, и хочет пройти в Смольный.

Рассердился я и как крикну:

— Ваш-ш пропуск?

Только не получилось: губы замёрзли. Вместо грозных слов я что-то непонятное прошипел.

Однако незнакомый человек понял, что я пропуск требую. В один карман, в другой, ищет — не найдёт. А злющий ветер его и за полы пальто и за рукава так и рвёт, со всех сторон холодом продувает. Зябко ему.

Нашел всё-таки. Протягивает бумажку, а я, как положено — взять да рассмотреть печать и подпись, — не могу: пальцы не разжимаются, к винтовке пристали.

Заметил он это и говорит сочувственно:

— Очень вам холодно здесь, товарищ.

Поднёс пропуск поближе к моим глазам, чтобы я разглядел печать. Показал и прошёл по лестнице вверх.

Вот и всё. Он ушёл, а мне чего-то не по себе стало. Зачем это я так долго держал человека на таком ужасном ветру? И пальто на нём холодное, и ботинки без калош...

Вдруг вижу — бежит ко мне сам караульный начальник. Матросик наш боевой. В распахнутом бушлате. На одном боку — револьвер, на другом — шашка, а за поясом — пара гранат.

— Найманов Андрей, ты что, совсем замёрз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству пожаловался?

— Я не жаловался...

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах мёрзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него барышни-секретарши вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы ещё у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток...

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан огромный... Ещё бы: царя сверг, мильон буржуев одолел! Слово скажет — по всему миру слышно! Это всё так. Сила в нём необыкновенная, а человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушёл в караулку, крикнув ещё раз:

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушёл матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и зажглось. Как же это я нашего вождя на морозе держал, на студёном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ленину!

Иду, а ноги заплетаются. Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие-красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: чем-то, мол, провинился солдат.

Не помню, как вошёл, что сказал, приложив руку к папахе.

Только вижу — лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет, рассматривает меня Ленин добрым взглядом. Достает что-то, протягивает мне и говорит:

— Вот вам варежки. В них хорошо винтовку держать, очень тёплые. Это мне одна крестьянка подарила, добрая женщина.

Смотрю — обыкновенные чёрные варежки. Деревенские. Но указательный палец отдельно связан, чтобы удобно было из винтовки стрелять. Для солдат очень хороши.

Нравятся, а братъ стесняюсь.

— Ничего, — говорит Ленин, — берите, берите, они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

Сказал я спасибо и повернулся кругом...

Дед Андрей умолк, прикрыв ладонью глаза. Словно хотел ещё раз увидеть эту дорогую сердцу картину.

— Да, вот такой получил я от товарища Ленина подарок бесценный.

— Бесценный, а не сберёг! — сдвинула брови внучка Наташа, пионерка. — Они заштопанные! Как же ты изорвал так ленинские варежки?

— Солдатское дело. Они рвались — я их штопал.

— Ты бы их получше спрятал, дедушка! — так и всплеснула руками внучка Мариша.

Дед Андрей усмехнулся:

— Разве это бриллианты какие — прятать? Обыкновенные варежки. Ленин мне их не зря подарил, а для пользы дела.

— Белых бить! — крикнул непонятливым сестрёнкам маленький Яша.

ЛЕСНОЙ ПОРТНОЙ

Сказки

ЛЕСНОЙ ПОРТНОЙ

Сказки

ЛЕСНОЙ ПОРТНОЙ

Вы не слышали сказку про лесного портного? Ну так послушайте.

Выпал однажды ранний снег. Обрадовались ребята, что он мягкий да липкий, — давай из него шары катать, снежных баб лепить. Обрадовались и зайчишки. Скачут, резвятся, ушами встряхивают — щекочут их снежинки. И так забавно: прыгнешь — а за тобой четыре следа остаются. Два поменьше, два побольше. Можно на снегу красивые узоры вышивать.

Резвится детвора, а зайчиха-мать чуть не плачет. Села под ёлкой, подпёрла щёку лапой и головой капает:

— Детушки вы мои, лапушки, чему же вы радуетесь, глупые! Ведь по этим следам вас теперь не только лобастый волк — любой охотник найдёт!

— Ничего, — пищат зайчата, — мы так следы запутаем, что и лисичка-хитричка нас не разыщет!

А зайчиха не унимается, горюет:

— Ай, зимушка-зима, зачем, ранняя, пришла — у меня нет зипуна! Зачем выпал первый снег — ведь у зайчат моих белых шубок нет!

— Ничего, — пищат задорные малыши, — нам и в летних пальтишках тепло!

— Да не в тепле дело. Беда, что кругом бело, а ваши одёжки серы. Теперь вас не только глазастая сова увидит — любая горластая ворона обидит!

Слышит эти причитания ёжик в своей избушке. Лежит, нежась, на перине из сухих листьев, босые подошвы под себя поджимает, в ледяное окошко щурится на белый снег и думает:

«Хорошо, что я вовремя спать залёг! Меня теперь никто не потревожит. Только жалко мне зайцев, плохо будет им...»

Только он это подумал, откуда ни возьмись-ворона. Увидела зайчат, распустила когти, разинула клюв — хват! — да промахнулась. Бросились зайчишки в разные стороны, а самый маленький прямо к ёжику в нору угодил и испугался:

— Ой, кто здесь?

— А ты потише! — рассердился ёж. — Повежливей...

— Кто вы такой? Почему вы босой, когда зима? — удивился зайчонок.

— Я лесной портной. А тебе что?

— Портной? Вот как чудесно! Нам же нужно белые шубки шить.

— Чтобы шубы шить, надо иголки иметь.

— Иголки? Да мы их сколько угодно наберём под ёлками.

— Мягковаты будут.

— Нет, они замёрзли, твёрдые. Я даже укололся.

— Ладно, тащите.

Быстро набрали зайчата самых длинных и крепких иголок:

— Шейте поскорей нам шубки, пожалуйста, дядя портной!

— Чтобы шубы шить, надо нитки иметь.

— Нитки? Это такие тоненькие? Мы их сколько угодно на дороге наберём. Они вместе с сеном попадают. Если их едим, потом животы болят.

— Не подбирайте с земли всякую- гадость! Это конские волосы... Ну ладно, сойдут, только собирайте белые и не таскайте мне чёрные!

— Ладно, хорошо, постараемся! — обрадовались малыши.

При свете месяца выбежали зайчата на луговую дорогу, полакомились былинками сена, что натрусились из полных возов, насобирали белых волос, что выпали из конских хвостов, и притащили их ежу-портному вместо ниток. Хороши были эти белые нитки, да только коротковаты.

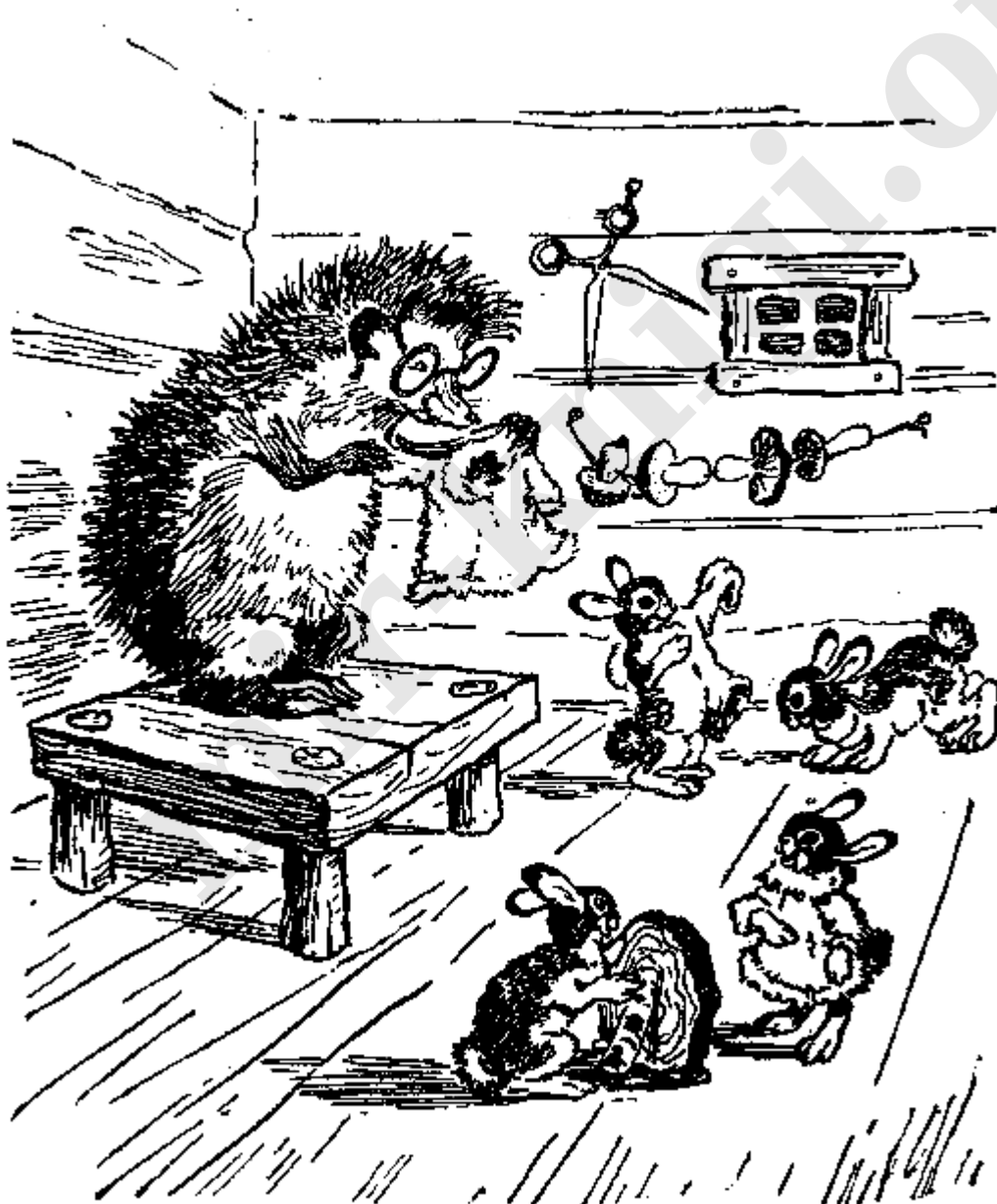
Поворчал лесной портной, однако обошёлся. Снял с зайчат мерки, сел в своём домике на

корточки и давай из снежного покрова шубы шить.

Все короткие нитки вдел в иголки и так ловко получается — как настоящий портной шьёт. Одна нитка у него кончится, он другую иголку с ниткой берёт; а пустую, чтобы не потерять, себе в спину втыкает. Ловко шил! И так увлёкся, что весь иголками утыкался.

Постучал ноготком в окошко из льдинки, позвал детвору:

— А ну, получайте белые шубки!

— А ну, получайте белые шубки!

Набежали зайчата, вырядились, как на праздник. В таких шубках и к деду-морозу на ёлку не стыдно показаться. Стали зайчата беленькие, вот только хвосты остались серые.

— Извините, материалу немного не хватило, — любуясь своей работой, сказал ёжик.

Зевнул и лёг спать, забыв вынуть из спины иголки: устал очень.

Поблагодарили его зайчата — кто морковкой, кто капустной кочерыжкой — и разбежались по зимнему лесу.

В белых шубках на белом снегу — попробуй-ка их найди! Родная мать не сыщет, только по серым пушистым хвостикам и угадывает.

Обозлилась лиса, что зайчат никак переловить не может, и решила отомстить ежу.

Весело провели зайчата зиму, а пришла весна — словно растаяли их белые шубки, когда стали не нужны.

Вылез из своей избушки ёжик, щурится на солнышко, а лиса тут как тут:

— Ага, попался, лесной портной! Вот я тебя вместо зайчат самого съем!

Ёжик от страха в клубок свернулся.

— Так, так, — оскалилась лиса, — свернись, колобок, поудобней! — Разинула пасть — да как ёжика хватить!

Схватила и укололась. Не знала, плутовка, что у лесного портного за зиму все иголки к спине приросли. С тех пор побаивается лиса трогать ёжика.

Лишь только наступит зима, зайчата новые иголки несут, а ёжик им белые шубки шьёт.

Вот и всё. А вы этого ещё не знали?

НАКАЗАННАЯ ОБМАНЩИЦА

Долго бродил по лесу старый охотник, устал и присел на пенёк. Вот неудача! Хотел свою старушку порадовать — зайчатиной угостить, хотел внучатам из заячьего меха шапок пошить... а только время зря потерял.

Прислонил к дереву дробовичок и стал закуривать. Откуда ни возьмись — лисица.

— Чего пригорюнился, дедушка?

— Как же не пригорюниться! Целый день без толку проходил, зря только валенки износил.

— Ничего! Пойдём за мной, я тебе помогу — на большую добычу наведу.

— Пойдём, — согласился старик, не очень доверяя плутовке: «Проведёт ещё, обманщица! Ну ничего, с ружьём-то не страшно».

А лисица бежит впереди и радуется: «Вот я сейчас потешусь!»

Подбежала к огромному выворотню — дерево такое лежит на земле, бурей со всеми корнями выворочено. А под корнями медведь ка зиму устроился. Спит себе, похрапывает.

— Михайло Иваныч! А Михайло Иваныч! Проснись! — тявкает лиса. — Весна пришла! Лето проспий!

— Какая весна! Чую, метель гудит.

— Да это не метель гудит, а пчелиный рой шумит.

— Ох, что-то не похоже это на рой! Пахнет что-то снежной зимой...

— Знаю, что по снегу ты не ходок, вот и принесла я тебе медок! — изворачивается плутовка. — Высунься, не ленись! Попробуешь такое, чего и не отведал ты в своём покое!

Раззадорила Мишку — заворочался в берлоге лохматый. А лисица отскочила в сторонку и ждёт, что теперь будет.

Если охотник медведя убьёт, она на снегу кровь лизнёт. Если медведь охотника задерёт, она у старика по карманам весь хлеб оберёт. И так ей хорошо и эдак.

А охотник подумал:

«Зачем мне по медведю из дробовика палить, зря Топтыгина дразнить? Заряд у меня дробовой не пробьёт его шубы меховой. Не удалось подстрелить зайчишку — трахну-ка я лису, на радость ребятишкам!»

Приложился, да как бабахнет!

И попала плутовка внучатам на шапки.

А Михайло Иваныч повернулся с одного бока на другой и опять захрапел.

Спит и видит, будто нашёл он в лесу бочонок с мёдом. Когтями выгребает да в рот... А сам пустую лапу сосёт.

ХВОСТАТЫЙ ХВАСТУНИШКА

Много выросло на птицеферме молодых петушков. Все очень красивые, ловкие, голосистые. А один красивей всех уродился. Хвост у него особенный — разноцветный, как радуга. Перья в нём длинные, красивые: чёрные, жёлтые, сизые, белые, и сверкают, как лакированные.

Увидел себя Петька в тихой речке с берега и загордился перед всеми петухами.

— Кукареку, погляди-ка в реку! Это я отражаюсь, такой красивый. Красивей вас всех!

Все и так знали, что он хорош, а ему этого мало, хочется быть ещё краше.

Услышала его похвальбу сорока-белобока, сидевшая на дереве. Наклонилась с ветки и стрекочет:

— Глупый ты, кочет! Глупый ты, кочет! Где тебе равняться красотой с птицей павой! У неё в хвосте есть цвет красно-коровый!

— Вот пустяки! Захочу — и у меня будет! Скажи, где найти красное перо?

— Для этого надо быть хр-рабрым, хр-рабрым! — поддразнила его ворона, собиравшая на земле чужие объедки и злая на весь свет.

— А разве я не храбрый? — выгнул шею хвальбушка.

— Ну, если ты храбрый, беги скорей в лее — там тебе вставят кр-расные пер-рья, пре-кр-расные пер-рья! — прокаркала ворона.

Петька, не раздумывая, направился к лесу.

А сорока летит впереди и потешается:

— Вот глупый кочет! Вот глупый кочет! Погибели хочет!

Зашёл Петька в глубь леса и спрашивает:

— Кто здесь вставляет красные перья?

— А ты покричи громче! — посмеивается над ним сорока.

Петух как закричит на весь лес:

— Ку-ка-реку! Вставьте мне красные перья!

Услыхала это лиса, лукавая Лукерья, наострила уши и поспешила на его пение.

— Кто тут хочет иметь красные перья? — облизнулась она, увидев хорошенького Петьку. — Ах, это ты, милый красавчик! Очень приятно! Я как раз по этим делам мастерица!

Прыг... и прижала петуха к земле.

— Куда? Как? Что ты хочешь со мной делать? — испугался глупый хвостун.

— Красить твои пёрышки твоей алой кровушкой! — прошептала лиса, впиваясь в него зубами.

Тут бы ему и конец пришёл, если бы мимо охотник не шёл.

Увидел он лису — бац из ружья! Да второпях промазал. Скакнула Лукерья в одну сторону, петух- в другую.

Сам-то Петька вырвался, да хвост свой у лисы в зубах оставил.

Явился на птицеферму с красными пёрышками, только без хвоста.

Увидела его в зеркале реки старая утка и закричала:

— Не хвастай, хвостун! Не хвастай! Видишь, без хвоста остался.

А он, глупец, вскочил на забор, похлопал сам себя крыльями и пропел как ни в чём не бывало:

— Посмотрите, какие у меня пре-кр-расные пер-рья! Вот какая мастерица Лукер-рья!

Насмешил похвальбой всё население птицефермы. Особенно громко индюки смеялись:

— Глу-глу-глупый! Вот глупый! Ха-ха-ха!

Что может быть смешней бесхвостого петуха!

ПТИЧКА-КОЛЮЧКА

На высоком берегу речки в земляном домике жила Белогрудка, ласточка-бережанка. Жилось ей со своими соседками весело и дружно. Утром раненько встанет, выпорхнет на крылечко, пропоёт радостную песенку, поздоровается с солнышком — и в полёт.

Целый день носится над рекой, ловит мошек, букашек и без усталости щебечет — всё с подружками не наговорится. Про разные разности: как у неё в гнездышке спрятаны в пуховой перинке яички, как скоро из них выведутся хорошенькие птенчики...

А вот сегодня новость какая! Из лесу пришёл к речке ёжик. Растянулся на берегу, незаметный в сухой траве, расправил колючки и носом поводит — прохладным воздухом дышит.

Но кто это ещё крадётся вдоль берега? Смотрите, огромный рыжий кот! Лапой в норки лезет, птичьи домики обшаривает и напевает:

— Где вы, птички-норушки, чуть поменьше скворушки? Съесть вас хочу!

— Прочь, разбойник! Прочь, рыжий!

Налетели на него ласточки. Норовят прямо в глаза клюнуть, бесстрашно свистят крыльями перед самым носом — пытаются отогнать кота от своих домиков.

Налетели на кота ласточки, норовят прямо в глаза клюнуть.

Жмурится рыжий, а дело своё делает.

— Это что за проказы? — рассердился ёж. — Как тебе не стыдно ласточек обижать! Хочешь есть мясо — лови мышей, помогай своей хозяйке!

— Я с ней поссорился. Помогал сметану с горшков снимать, а она меня — веником, — ответил кот и выкатил из домика Белогрудки яичко. Оно упало на жёсткий песок и разбилось.

— Ах ты, негодник, брысь! — фыркнул ёжик.

Кот струсил и убежал. Не понял он, кто это его

так напугал.

Прилетела Белогрудка к своему домику, увидела, что у порога насорены пух и пёрышки, а одно яичко на золотом песке разбитое лежит. Заплакала, запричитала ласточка:

— Какой скверный кот, как ему не стыдно! Ведь из этого яичка вывелся бы хорошенький птенчик, маленькая Белогрудка!

— Таких котов не стыдить, а учить надо! — сказал ёж.

— Я его боюсь, он меня сцапает!

— Ничего, Белогрудка, я тебе помогу, твой домик постерегу. Если кот ночью явится, ты меня разбуди. Когда он спросит, кто в домике живёт, кричи громче: «Птичка-колючка! Птичка-колючка!»

Вот скрылось солнышко, наступила ночь, страшное время для птичьего населения. Попрятались бережанки в свои земляные домики. А дверей-то у них нет. Какой уж тут сон! Задрожала Белогрудка, когда услышала у порога завывание рыжего кота:

— Я голодный кот! Кто здесь живёт?

— Птичка-колючка! Птичка-колючка! — закричала ласточка.

— Это что такое? Какая ещё колючка? Здесь живёт птичка-норушка, чуть поменьше скворушка,

Умолкла испуганная Белогрудка. А ёжик проснулся и говорит, потягиваясь да в колючий клубок свёртываясь:

— Подними нос, так узнаешь, какая это птичка!

Кот услышал, как в сухой траве ёж колючками шевелит, подумал, что мыши, и поднял морду кверху.

Тут ёжик скатился с берега, словно мячик, да прямо ему на нос — хлоп!

Заорал кот диким голосом. Фыркнул, пырскнул, и только его и видели. До самой деревни, как по воздуху, летел.

Забрался на забор и давай умываться, царапины на носу лечить. Долго нос свой зализывал и всем своим усатым приятелям наказывал:

— Не ходите, коты, сметану лизать! Не ходите, коты, бережанок пугать! За сметану нашего брата по спине веником бьют! За птичек нашего брата по носу ёжиком дерут!

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛ ШМЕЛЬ ПЕСТРОЙ КОШКЕ

В жаркий летний день старый дедушка и его внучка, по прозвищу Почемучка, сидели в саду, в тени дерева. Дедушка дремал, а Почемучка скучала. Всё ей хотелось о чём-нибудь спросить старого...

Рядом с дедушкой дремала старая кошка, пёстрая, словно сшитая из разных лоскутков-белых, рыжих и чёрных.

Её котята лакали из блюдечка парное молоко. А корова Бурёнка стояла в стойле, спасаясь от оводов, и ела вкусный клевер, былинки которого так сладки, что, если пожевать, хоть чаем запивай.

А около кошкиной головы кружил шмель. Мохноногий, бархатный. Хоть он гудел у неё над самым ухом, кошка и глазом не повела, только жмурилась.

— Дедынька, он думает, что наша кошка цветок?

— Нет, внученька, он ей сказку рассказывает.

— Какую?

— Про шмелиное царство, подшефное кошкино государство.

— А разве бывают такие царства?

— А вот ты слушай, про что шмель гудит... «Привет тебе, говорит, Трёхшёрстка-матушка, славная Мышехватушка! Кланяется тебе всё наше шмелиное поголовье! Кушай побольше мышей — себе на здоровье. Те негодницы-мыши прогрызают у наших домиков крыши, поедают наш сладкий хлебец из цветочной мучицы, губят наших детушек, маленьких шмелятушек. Чем больше ты съешь мышей, тем больше вырастет молодых шмелей.

Будем мы с ними на клевер летать, своими мохнатыми лапками розовые цветы опылять.

От этой нашей работки нечаянной уродится клевер необычайный. Вашей доброй коровушке на всю зиму пожива — значит, молоко у неё будет на диво. Густое, как сливки, сладкое, как мёд. Не пожалеет хозяйюшка — и твоим котяткам в блюде нальёт!

Пусть его лакают детушки-царапушки, растут не хуже своей матушки — такими же глазастыми да когтистыми, резвыми котятками, будущими Мышехват-ками...

Пусть зловредных мышей на нашей земле сокращают, нашему шмелиному народу помогают ж-жить, не ту ж-жить.... Ф-фить!

Так прогудел он и улетел!

Побежала вдогонку шмелю Почемучка, а от него только пыльца в воздухе ниточкой протянулась.

— Куда же он улетел, дедушка?

— От кошки своему шмелиному народу привет понёс.

— И всё, что он рассказал, — это правда?

Смотрит Почемучка и не поймёт: не шутит ли дедушка?

Корова поглядывает на неё лукаво, а сама клевер жуёт. Котята, напившись молока, друг друга облизывают. Трёхшёрстка дремлет, а сама когти то выпустит, то уберёт.

— Ну, дедынька, ну скажи — правда всё это?

— А уж это ты сама подумай, внученька.

И Почемучка стала думать, думать... И чем больше она думала, тем всё интересней становилось ей жить на свете.

ОТЧЕГО ЛЯГУШКА СПЛЮЩИЛАСЬ

Есть у нас в Мордовии, в излучине реки Мокши, чудесная роща. Певчих птиц в ней так много, что каждый день для всех желающих пернатые певцы дают концерт.

Запевают, конечно, соловьи — известные солисты, мастера пения. Голоса у них чистые, звонкие, приятные. То забулькают, то защёлкают, то засвистят, то заиграют, как пастушьи дудки, то рассыплются бубенчиками. Подыгрывают им варакушки, подсвистывают дрозды, подстукивают на дуплистых деревьях дятлы-барабанщики, в бубны синички звенят, иволги подголоски выводят. Даже безголосая кукушка и та аккомпанирует как может: «ку-ку, ку-ку».

Всё лесное население слушает — не наслушается. Даже сонная сова и та ушами встряхнёт, глазами поморгает и крыльями похлопает.

А восторженный кулик взовьётся выше всех в небо и кричит на весь свет:

— Бис! Бис!

Все пернатые артисты дружные, не гордые, не заносчивые, не завистливые; каждый поёт как может.

Лес велик, деревьев много, всем можно своё искусство показать.

Козодой летает по лесу и, кого ни встретит, всех уговаривает:

— Спой, спой!

А перепёлка любит молодые таланты открывать и каждой птичке утром и вечером внушает:

— Спеть пора, спеть пора!

Все птицы свои таланты показали, а толстая зелёная лягушка сидит в болоте и молчит, только от зависти надувается.

Заметил её хохлатый чибис. Подбежал на своих тонких ножках, кланяется, трясёт хохолком и спрашивает:

— Почему не поёте? Чьи вы? Чьи вы?

— Меня не просят, вот и не пою, — отвечает лягушка.

— А мы вас просим, просим! — сказала пробегавшая мимо вежливая трясогузка на тоненьких ножках. И тоже стала кланяться.

Но лягушке этого показалось мало:

— Я не такова, я не такова!

Прибежали, прилетели другие птицы — наперебой уговаривают лягушку участвовать в их концерте. Уж если она такая толстая и так важничает, наверное, и голос у неё замечательный и поёт она отменно хорошо.

Прибежали, прилетели другие птицы — наперебой уговаривают лягушку участвовать в их концерте.

Отмалчивается лягушка.

Даже утка, сидевшая в гнезде, стала ей говорить:

— Зря не соглашаетесь, зря, зря!

Наконец уговорили толстуху, и она ответила:

— Ладно, ладно.

А сама по-прежнему сидит в болоте и не поёт.

Стали её птицы уговаривать вспорхнуть и занять любое дерево.

Глуховатый тетерев забормотал:

— Бу-бу-бу, устраивайтесь на дубу!

— На дубу для моего голоса низко.

— Пожалуйте на берёзу!.. На осину!.. На рябину!.. На сосну!..

Но, сколько ни предлагали птицы, всё лягушке низко.

— Я хочу петь выше всех. Иначе не согласна!

— Пожалуйста, пожалуйста! Раз у вас такой сильный голос, поднимайтесь как вам угодно, хоть выше жаворонка. Это нам не в укор, не в укор! — затараторила сорока.

— Разве вы не видите, что я крылья на воду постелила сушить! — показывая на широкие листья жёлтых кувшинок, сказала лягушка.

— Это очень долго ждать, — огорчились птицы. — Разве скоро крылья в болоте высохнут? У всех к тому времени птенцы выведутся, и концерты кончатся. Когда детей кормят, петь некогда. Неужели так и не услышать нам важную певицу?

— Как тут быть? Как тут быть? — взволновался перепел.

И попросили птицы сильного, крепкого, смелого ястребка поднять лягушку выше всех.

Подхватил ястребок лягушку под мышки своими цепкими когтями и пошёл вверх. Кругами летит, словно по винтовой лестнице вверх поднимается.

И спрашивает:

— Выше? Выше?

— Да, да, да! — отвечает лягушка.

— Взви-ить, взви-ить?

— Да, да, да!

Вот уж лес внизу, как зелёная шляпа, а река, как синяя лента. А ей всё низко. Залетел ястребок под облака, в такую высь, откуда ни одна птица не поёт. Расправил крылья, парит на одной высоте и говорит:

— Начинайте, уважаемая! Лебедь красивей вас и тот на три взмаха ниже поёт!

Раскрыла рот лягушка во всю ширь да как гаркнет:

— Ур-род! Ур-род! Я не такова! Я не такова! Ур-род! Ур-род!

А ястребок подумал, что она его ругает, и рассердился:

— Ах, если я урод, ищите себе красавца! — и выпустил её из когтей.

С огромной высоты плюхнулась лягушка обратно в болото, так что от удара об воду сплющилась.

И вот с тех пор сидит у себя в болоте сплющенная и кричит, надрывается:

— Вот я какова! Вот я какова!

Птицы теперь и сами не рады, что пробудили в ней любовь к пению. Тетерев на что глуховат и тот на ночь уши крылом закрывает.

Сколько перепел её ни уговаривает: «Спать пора, спать пора!» — лягушка и слышать не хочет: и день и ночь квакает.

Только тем певчие птицы и спаслись, что серую цаплю позвали.

Когда цапля на одной ноге в болоте стоит, знайте: это она лягушку сторожит.

Бойтся ква-ква, что цапля её, сплющенную, проглотит. Спрячется под листья кувшинки и помалкивает.

ЖИВЫЕ ФОНАРИКИ

Бежали муравьишки по своим делам. Искали мёртвых букашек, подбирали шкурки куколок, из которых вывелись бабочки, — всякую всячину, всё им годится. Что ни найдут подходящего, всё тащат в свой домик-городок. Да ведь какие сильные! Иной богатырь на спину взвалит ношу больше себя самого и несёт. А если один не справится, товарищи помогут. Вот нашли кусок раздавленного червяка. Это для них большущий запас мяса. Волокут его вдесятером. Целый день будут тащить... Не перестанут, пока домой не доставят.

Трудолюбивый муравьиный народ.

Вдруг один Муравьишка заметил под старым листом неподвижную букашку. Пошевелил её усиками- годится в пищу муравьятам. Позвал других. Набежали богатыри, хотели уж дубинушку спеть: «Эй, ухнем!» — да потащить находку, но тут Муравьишка-разведчик понял, что ошибся. Чует — букашка-то живая. Она не умерла, а только спит; тёпленькая, и жизнь в ней бьётся. — Зачем же уничтожать живое?

Ещё раз проверил Муравьишка усами находку. Заметил, что на брюхе у спящей букашки словно стёклышки вставлены...

— Отставить! — скомандовал Муравьишка своей артели, и все его товарищи быстро разбежались кто куда.

Лес большой, в нём находок много.

В тот же день случилась с муравьишками большая беда. Наползла на лес тёмная туча, сверкнули молнии, загремели громы, хлынул с неба проливной дождь. Запрудило упавшим деревом ручей, разлился он и затопил муравьиное жильё.

— Спасай детей! Перебирайся на новое место! — раздались команды в муравьином городке.

Дружно, смело, самоотверженно вели себя муравьишки. По веточкам, по былинкам переносили через воду детвору на закорках. Тащили запасы продовольствия на другое место, где строительные бригады уже строили новый домишко-городишко. Прodelывали в земле ходы, устраивали кладовые, укрепляли стойками — из еловых и сосновых игл.

Наступила ночь, и Муравьишка, тащивший на новое место большие белые яички, из которых должны вывестись маленькие муравьята, заблудился в лесу. Бросится туда, бросится сюда — не может найти дороги. Все старые тропинки ливнем смыты.

Совсем растерялся Муравьишка. Не доберёшься до своих — озябнешь ночью, ослабнешь,

погибнешь.

И вдруг видит — что-то засветилось под листочком и погасло. Засветилось — и опять погасло. Муравьишка бросился на огонёк и обнаружил ту самую букашку, что он за мёртвую принял.

Это был светлячок; он проснулся и чистил свой фонарик. Пробовал, как светит. То зажжёт, то погасит, то снова засветит.

— Здравствуй, Муравьишка! Это ты меня усами щекотал, спать не давал?

— А кто же спит днём, когда все работают?

— Вот чудак! Мы ночью работаем, когда другие спят, — ответил светлячок и похвалился своим фонариком.

— Это твоя игрушка? — позавидовал Муравьишка.

— Нет, это не игрушка.

— Зачем тебе такой фонарик?

— Меня с этим фонариком все свои видят, а чужие боятся. Когда я на земле — принимают за уголёк: не решаются склевать, чтобы не обжечься. Когда я летаю, меня птицы ночные не хватают — боятся проглотить искру на лету!

— Ах, как это интересно! Какие же вы хитрые, светлячки! А у нас вот несчастье... — И Муравьишка рассказал о свое?! беде и о том, что он потерял дорогу к своим.

Пожалел светлячок Муравьишку. Зажёг свой фонарик и пошёл впереди, освещая дорогу. И, завидев его, все светлячки под кустами, под листьями зажигали свои фонарики.

Как по городской улице, хорошо освещённой, добрался Муравьишка до своего нового домика-городишка.

Обрадовалось население городка: Муравьишка среди ночи пришёл и свою драгоценную ношу принёс!

Подняли муравьи лапки — приветствуют. Светлячков благодарят:

— Спасибо вам, друзья золотые, фонарики живые! Давайте в лесу дружно жить-поживать, друг

друга в беде выручать! Вы — жители ночные, мы — жители дневные, а все мы — дружные и храбрые народы лесные!

mir-knigi.org